

Семья и школа: культурно-историческая перспектива

Раскрываются методологические аспекты исследования ценностей в современной социокультурной ситуации, показывается значимость культурно-исторической парадигмы для изучения феноменологии детства в современном изменяющемся и неопределенном обществе, эмпирически доказывается важность ценности образования, познавательного развития в гармонизации отношений семьи и школы и школьной социализации детей и подростков.

Сложности, возникающие в процессе изучения феноменологии детства в современной социальной ситуации, во многом определяются как логикой развития науки, так и состоянием общества, которое само не определило, какие задачи оно ставит в настоящее время перед образовательными институтами. Поэтому представляется важным сопоставить разные научные концепции с социальными представлениями современного общества и его ожиданиями от науки и образования.

Прежде всего встает вопрос о том, насколько созвучны тенденции к междисциплинарности и постмодернизму, ясно прослеживаемые в современной науке, тем трансформациям, которые происходят сегодня в мире. Даже поверхностный анализ дает возможность увидеть некоторые кардинальные изменения, характерные для сегодняшнего дня. Новой эпохе, в частности, свойственны такие черты, как глобализация, серьезные межэтнические и межконфессиональные конфликты, представления о пассионарности и активности людей в конструировании окружающего мира, ярко выраженное состояние неопределенности в понимании целей и направления развития общества. Изменчивость мира и его образа в сознании людей разной ментальности, уровня образования и социальной принадлежности меняет и само представление

о межличностных и межгрупповых отношениях и аттрактивности партнеров, проблематизируя или, напротив, упрощая контакты с людьми другой культуры. Попробуем представить, как это может сказаться на развитии науки.

Проявления глобализации сказываются не только на экономике и политике, но затрагивают все стороны взаимодействия разных культур – от обмена технологиями и совместных научных разработок до смешанных браков. Существенное влияние оказывают эти процессы и на восприятие людьми окружающего пространства, которое начинает восприниматься как свернутое, а сама Земля – как небольшая планета, расстояния между разными точками на которой совсем не так велики, как прежде казалось. Естественно, это не может не проявиться в представлениях об окружающем мире. Если в прежние века время и пространство казались людям бесконечными, сегодня люди понимают быстротечность и ограниченность жизни и легкость перемещения в пространстве. Это придает другую ценность жизни, а также необходимость принятия факта существования других людей и других культур.

В то же время взаимодействие людей, имеющих разную ментальность, разные языки, разные ценности, приводит к необходимости осознания и на бытовом, и на научном уровне относительности наших представлений об истине. Важной становится оценка одной и той же позиции с разных точек зрения в разных подходах и разных науках. Таким образом, междисциплинарность, полипарадигмальность

об авторе

Т. Д. Марцинковская, заведующая лабораторией психологии подростка Психологического института РАО, ведущий научный сотрудник Центра социализации, воспитания и неформального образования Федерального института развития образования, доктор психологических наук, профессор

и постмодернизм, о которых заговорили методологи, не являются совершенно абстрактными понятиями, эти тенденции продиктованы не только научными изысканиями, но и самой жизнью [1].

Еще один пласт проблем, актуализирующих тенденции, развиваемые постнеклассической психологией, связан с кардинальными изменениями социальной ситуации, ценностных ориентаций и нормативов, преобладающих в идеологии современного (и не только российского) общества. Эти изменения привели к нарушению социальной стабильности и снизили уровень укорененности и социализированности людей. Современное общество ставит перед человеком большое количество сложных, неоднозначных жизненных ситуаций, требующих осознанного и адекватного выбора. В то же время у многих людей нет понимания разности своих социальных представлений, нет умения отделять эмоциональные отношения от рационального взаимодействия. Поэтому подходы, раскрывающие разное содержательное наполнение дискурсов при различных межличностных дистанциях в разных ролевых позициях партнеров, являются крайне актуальными [2, 3].

Применяя понятие неопределенности к психологии, можно говорить о том, что в современном мире причинно-следственные отношения не всегда могут стать основой понимания событий, происходящих даже в настоящее время, тем более они не могут помочь предсказать, как будет вести себя человек в будущем, как он отреагирует даже на знакомые раздражители. Все это делает даже стабильную ситуацию не совсем ясной, тем более неопределенной является новая или постоянно меняющаяся ситуация. В такой ситуации сам человек, его мысли, состояние, поведение тоже становятся неопределенными в большей, чем обычно, степени. То есть человек одновременно является и стабильным образованием с ясной устойчивой структурой мотивов, и постоянно меняющейся величиной в системе меняющихся отношений (частица и волна одновременно).

Поэтому объективация мотивов поведе-

ния человека в ситуации неопределенности уже не может соотноситься с поступком как феноменом личности. Изменчивость социальных представлений и ценностных ориентаций находит отражение не только в актуализации проблемы идентичности в психологической науке, но и в большом количестве исследований, посвященных анализу социализации и границ активности человека в этом процессе. С одной стороны, успешная социализация человека дает возможность реализовать активность в просоциальном русле, а с другой – максимально снимает внешние и внутренние барьеры этой активности. В этой точке возможно сведение в единое целое конструкционизма с идеями пассионарности, возможности для меньшинства, даже для одной-двух пассионарных, по выражению Л. Н. Гумилева, личностей, изменить поведение и позиции большинства.

Идея о роли пассионарной активности и в переконструировании социального мира, и в создании его образа показывает, что в концепции образа мира, как в свое время в концепции образа движения, необходимо перейти от менее сложной и однозначной картины к более сложной и многозначной. В свое время Н. А. Бернштейн, выделяя уровни в построении движений, подчеркивал

сложность этого процесса, отличающегося от простых реакций на внешний раздражитель, так как человек не просто реагирует, отражает стимулы внешнего мира, но создает, конструирует свое поведение [4]. По-видимому, в современной психологии также пора перейти от концепции отражения к концепции построения, конструирования образа мира и себя. Конструируемый образ мира не только субъективен, но и представляет собой сложную разноразноуровневую систему, полностью проанализировать содержание которой можно только исходя из разных дискурсов. Таким образом, помимо иерархического строения в создаваемых человеком представлениях о себе и мире можно констатировать и их отнесенность к разным областям, то есть это уже, скорее, не образ, а коллаж. При этом, возможно, уместно и использование принципа взаимосвязи развития и дифференциации образов, о чем писали

Современное общество ставит перед человеком большое количество сложных, неоднозначных жизненных ситуаций, требующих осознанного и адекватного выбора.

еще гештальтпсихологи, утверждая, что в процессе развития человек переходит от смутного образа мира ко все более четкому и дифференцированному представлению о нем.

Если мы уверены в возможности перестроить, переконструировать ситуацию и на основе этого выстроить будущее, снимается неопределенность этого будущего и те тревоги и опасения, которые оно несет с собой. Таким образом, конструкционистская парадигма, в рамках которой можно говорить о трансформации окружающего мира в направлении желаемых изменений, увеличивает степень предсказуемости будущего и снимает эмоциональную напряженность, смыкаясь с проблемой неопределенности, имеющей и методическую, и методологическую, и социальную обусловленность [1].

Исходя из этого естественной представляется позиция, при которой психическая жизнь человека выводится из-под законов естественно-научной детерминации, но вводится в русло культурной детерминации, управляющей продуктивной деятельностью людей. При этом именно в контексте определенной культуры и социальной ситуации развития можно судить и о причинах, и о смысле того или иного поступка человека, и о его значении для окружающего. Междисциплинарность культуры, в которой связываются воедино многие пласты действительности, разорванные в отдельных областях знания, идеально подходит для многомерного и сложно сконструированного мира, которым является современное общество. В междисциплинарном и, шире, в межкультурном взаимодействии может быть сформировано и новое понимание человека в системе многомерных взаимоотношений, которые он создает в процессе жизни. Междисциплинарный характер культуры проявляется и в том, что ее роль в процессе становления новой идентичности может анализироваться и в контексте теории самоорганизации И. Р. Пригожина, так как культура может рассматриваться как фактор, структурирующий и выстраивающий процесс социализации и становления социокультурной идентичности в кризисные периоды.

Еще в начале XX века Г. Г. Шпет писал о том, что человека, так же как и плоды его трудов, нельзя рассматривать только извне.

Еще в начале XX века Г. Г. Шпет писал о том, что человека, так же как и плоды его трудов, нельзя рассматривать только извне [5]. Исходя из соответствия закономерностей и динамики развития внешних и внутренних форм, необходимо изучать и внутреннюю, духовную сущность личности. Методы исследования и критерии истинности, объективности полученных данных должны учитывать и субъективные состояния, установки и ценности человека или группы людей. Однако психология и педагогика личности не могут быть индетерминистическими. Поэтому культура может рассматриваться именно как важнейший методологический принцип, как новая детерминанта развития психики человека, которая преобразует и процесс познания (речевое мышление), и процесс творчества и развития волевого поведения и самосознания человека.

Подход к культуре как образующей личности потребовал и разработки иных методов исследования. Так, например, П. П. Блонским был переработан предложенный еще И. М. Сеченовым генетический принцип исследования. Многие положения П. П. Блонского о генетическом подходе в исследовании и необходимости изучения самого процесса развития поведения, мышления, других психических функций были блестяще продемонстрированы им самим в его генетическом исследовании памяти и мышления.

Для того чтобы исследовать характер и динамику процесса формирования высших (культурных) психических функций, Л. С. Выготским был предложен новый метод исследования, который он назвал инструментальным. Известно, что Л. С. Выготский считал, что в процессе развития ребенок усваивает не только содержание культурного опыта, но и «способы культурного мышления, приемы и формы культурного поведения, в основе которых лежит употребление культурных знаков». Огромным достоинством этого метода было то, что он являлся историко-генетическим по своей сути, так как давал возможность проследить процесс формирования высших психических процессов, помогал определить не только физи-

ческий, интеллектуальный, но и культурный уровень данного ребенка.

Переходя к вопросу об объективации мотивов и ценностей, необходимо подчеркнуть, что их иерархия дает возможность не только изучить содержание представлений о мире и о себе, но и прогнозировать поведение человека. В то же время, как показывает К. Хелкама, существуют два возможных варианта анализа роли ценностей в контексте социальной нестабильности [6, 7]. Они могут, во-первых, рассматриваться как реакция людей на изменения среды, на социальную ситуацию их развития в каждый конкретный момент. С другой стороны, ценности могут рассматриваться, наоборот, как стабилизирующий фактор, который, как и избирательное внимание, детерминирует восприятие социальной ситуации, снижая степень ее изменчивости и неопределенности.

В исследованиях, проводимых российскими и финскими учеными под руководством К. Хелкамы и Г. М. Андреевой, было показано, что можно говорить о тенденции людей оценивать мир в соответствии со своими ценностями. Так, люди, открытые к изменению мира, открыты и к изменению ценностей и не склонны

к их консервации. Напротив, консервативные люди, отрицающие изменчивость ценностей, склонны игнорировать и изменения социальной среды [7].

Однако, как подчеркивает и сам К. Хелкама, возможен и вариант, при котором люди выделяют как изменчивые, так и постоянные ценности (например, ценности

бытия, природы, эстетические ценности и переживания), которые остаются неизменными даже в том случае, когда люди открыты к изменениям, толерантны к ним и не боятся неопределенности.

Таким образом, встает вопрос о соединении гибкости и устойчивости в картине мира и, как следствие, гибкости и устойчивости в образе «я» и иерархии мотивов людей. Рассмотрение этой проблемы в культурно-историческом дискурсе позволяет выявить ценности, являющиеся стабильными и значимыми именно для определенной

культуры в конкретный промежуток времени. Представляется, что именно такие ценности могут стать важной детерминантой социализации детей и подростков.

В связи с этим встает вопрос о критериях успешной социализации, не фрустрирующей личностный рост и самореализацию подростков. В качестве таких критериев могут рассматриваться:

- положительное эмоциональное отношение (принятие) к важнейшим для данной культуры (группы) нормам поведения, эталонам и ценностям;
- взаимное принятие человека и группы;
- достаточно высокий социометрический статус в данной группе;
- профессиональная/социальная успешность.

В качестве одной из основных стабильных ценностей может рассматриваться ценность образования, когнитивного развития.

На основании этих теоретических посылок нами был проведен ряд исследований в образовательных учреждениях Москвы и Улан-Удэ (Республика Бурятия), в которых изучались ценностные ориентации учителей и родителей и их влияние на процесс школьной социализации подростков [8].

Качественный анализ ответов родителей на вопрос о том, какие параметры являются для них ведущими при выборе школы для своего ребенка, позволил выделить две примерно равные группы ответов. В первой группе ведущими были эмоционально-личностные ценности (доброжелательное отношение учителей к учащимся, уважение личности учеников, общая атмосфера в школе, уважение к традициям и т. д.), во второй – познавательные (высокий уровень знаний учащихся, подготовка к поступлению в вуз, хорошее преподавание иностранного языка и т. п.).

Анализ ценностных ориентаций учителей также позволил разделить их на две группы, условно названные нами «Эмоционально-личностные ценности и ценности межличностных отношений (партнерские отношения, взаимное уважение, ценность личности учителей и учеников, уважение к старшим и традициям и т. п.)» и «Познавательные ценности и ценности карьеры (важность образования, творчества, нестандартных решений и идей, по-

Так, люди, открытые к изменению мира, открыты и к изменению ценностей и не склонны к их консервации. Напротив, консервативные люди, отрицающие изменчивость ценностей, склонны игнорировать и изменения социальной среды.

вышения профессионализма и профессиональной компетентности и т. п.)».

Кроме того, немаловажным учителя из Москвы и Улан-Удэ считают интересы учащихся и отношение к ним, характер взаимодействия с ними и т. п. Также достаточно важным, по их мнению, оказалось уважение традиций и обычаев, как общих, так и конкретной школы.

Таким образом, можно констатировать, что ценности учителей и родителей частично совпадают и по направленности, и по содержанию. Как и предполагалось, более выраженными у родителей и преподавателей в Бурятии оказались ценности, связанные с отношением к старшим и уважением к традициям.

При исследовании школьников основное внимание обращалось на их отношение к школе и педагогам, а также на степень их школьной социализированности (успеваемость, принятие учителями и одноклассниками, социометрический статус). Анализ особенностей социализации подростков показал, что их можно подразделить на две группы. Первую группу составили подростки с высоким уровнем социализированности в школе. Они имеют высокий социометрический статус, принадлежат к группам «Лидеры» и «Включенные». Эти подростки, как правило, не испытывают трудностей в общении с учителями и сверстниками. Все они общительны, дружелюбны и доброжелательны по отношению к окружающим, с доверием к ним относятся. Окружающую среду они воспринимают как дружественную и в целом безопасную. В Москве в этой группе оказались 48% подростков, а в Улан-Удэ данная группа составила 58%. Во вторую группу вошли подростки с низким уровнем социализированности в школе. В эту группу вошли 52% московских подростков и 42% подростков-бурят.

Сравнение ценностных ориентаций подростков этих двух групп с выборами родителей и педагогов показало, что семейные установки и ценности родителей влияют на отношение подростков к школе, принятие (или непринятие) ее ценностей и норм и, главное, принятие образования, знаний как одной из важнейших жизненных ценностей. Степень социализированности подростков в классе в большей степени связана с ценностными ориентациями учителей. Установки и ценности педагогов и образовательного учреждения в целом, по-види-

мому, опосредуют отношения в классе, показывая успешность подростков в главной (для школы), учебной, деятельности, таким образом частично определяя и степень признания подростка одноклассниками.

Гармоничное сочетание ценностных ориентаций и установок семьи и образовательного учреждения облегчает интериоризацию норм и эталонов подростками, положительного отношения к ним и тем самым детерминирует процесс школьной социализации.

Таким образом, эмоциональное отношение подростков к школе детерминруется совпадением ценностей родителей и педагогов, а социализированность в ней – совпадением ценностей учащихся и учителей. Поэтому количество высокосоциализированных детей в Улан-Удэ больше, чем в Москве, так как ценностные ориентации и нормы взрослых имеют в Бурятии тенденцию к большему совпадению, чем в Москве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995.
2. Социальная психология в современном мире / Под. ред. Г. М. Андреевой и А. И. Донцова. – М.: Аспект Пресс, 2002.
3. Харре Р. Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. – М.: ИНИОН РАН, 1995.
4. Бернштейн Н. А. Очерк по физиологии движений и физиологии активности – М.: Наука, 1966.
5. Шпет Г. Г. Психология социального бытия – М.: Акад. педагогич. и социальных наук, 1996.
6. Тихомандрицкая О. А., Дубовская Е. М. Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы // Мир психологии. – 1999. – № 3.
7. Хелкама К., Похьянхемо Е. Размышления о ценностях и общественной нестабильности // Константа в неопределенном и меняющемся мире. – М.: Изд-во РПО, 2010.
8. Гармаева Т. В., Кончаловская М. М. Роль семьи в школьной социализации подростков // Психологические исследования, 2009. – № 2.